

НА ВСЮ ЖИЗНЬ

После Февральской революции 1917 года, когда в Лесном образовался подрайонный комитет партии большевиков, товарищ Калинин предложил мне переехать в помещение подрайона, занявшего бывшую квартиру пристава Лесного участка. Я согласилась, переехала и прожила в помещении подрайонного комитета до сентября, исполняя наряду с работой на заводе различные партийные поручения: распространяла журнал «Работница», билеты на партийные собрания и т. п. В частности, после событий 3—4 июля мне поручили сохранить и спасти от ожидавшегося обыска членские книжки, чтобы по ним не смогли никого арестовать. Вообще в подрайоне знали, что я свой человек и должна делать все, что поручат. В свободное от завода и других занятий время я помогала жившей со мной матери убирать помещения подрайона.

В период избирательной кампании в районные думы на «Айвазе» было основное ядро лесновских большевиков. Мы вели усиленную агитацию, где только можно было: в группах на улицах, в очередях, обрабатывали рабочих поодиночке у станка и в раздевалках на заводе, распространяли листовки, проводили предвыборные собрания в Политехническом институте, в Удельнинском парке и у себя на заводе. Так как администрация «Айваза» не отводила нам для этого помещения, мы устраивали свои собрания в коридорах и на лестницах. Рабочие становились внизу и на ступеньках у перил, а оратор и председатель собрания помещались на верхней площадке.

Самые выборы происходили в специально занятом доме, кажется, на Костромском проспекте в Удельной. В результате выборов оказались избранными в думу преимущественно большевики, и среди них М. И. Калинин.

Окончание выборов совпало с решением группы женщин-большевиц добровольно уступить места на заводе солдаткам, женам рабочих, ушедших на войну, почему многие из них оказались с ребятами без материального обеспечения. Я и две мои товарки — Орлова и Яковлева — в связи с этим ушли с завода и по предложению Калинина перешли работать во вновь образовавшуюся Лесновскую районную думу.

Михаил Иванович предложил мне поселиться в помещении думы. Мать работала там уборщицей, а я агентом финансового

отдела, помогая ей по вечерам в уборке помещений. Одновременно я продолжала исполнять партийные поручения.

В думе преобладало большевистское влияние, значительная часть служащих были также большевиками. Сам Калинин, избранный в думу председателем управы, его секретарь — студент Иосиф Лукин, заведующий финансовым отделом Петров, заместитель заведующего продовольственной управой Розенталь, юрисконсульт думы Домбак, служащие Орлова, Солен, Яковлева и я — все мы были большевики. Правда, работали в думе представители и других партий: эсеры — заведующий продовольственной управой студент-политехник Сергиевский и его секретарь; меньшевик Добрасов — рабочий от «Айваза»; заведующий культсектором максималист Весник и др. Их было семь человек, а нас — девятнадцать. Острых конфликтов не было, лишь изредка они бросали косые взгляды. Отношения все время были очень корректные, хотя видно было, что Сергиевский, например, чувствовал себя среди нас стесненным: ему стоило больших трудов вести себя тактично, и он был очень рад, когда продовольственная управа, которой он руководил, перебралась в другое помещение.

Работы в думе было много. Постоянно приходили посетители, главным образом по вопросам, связанным с жилищем и продовольствием. Приходилось часто делать описи, реквизицию имущества и т. п.

Когда я появилась в думе, работа в ней была уже организована. Все помещения чьей-то дачи на Болотной улице под номером 13 обставили откуда-то привезенной сборной мебелью. Так, в кабинете председателя думы Калинина находился когда-то приличный, с резными львами, но теперь сильно ободраный письменный стол, крытый темно-красным грязным, разорванным сукном, и несколько дубовых стульев, типа столовых, с резными высокими прямыми спинками.

В комнате культурно-просветительного сектора, где произошло историческое заседание ЦК, находились: небольшой письменный столик заведующего, крытый темно-малиновым сукном, и два канцелярских стола: один маленький с ящиком — для курьера, а другой побольше — для секретаря. Стулья во всех помещениях были самые разнообразные, а в зале заседаний, в первом этаже, вначале стояли скамейки, принесенные из сада, лишь впоследствии замененные стульями. Вообще мебели в думе было мало, и для пленумов приходилось стаскивать стулья из всех помещений.

Заседания в думе бывали часто; обычно происходили они по вечерам, и собирались на них самые различные, иногда совершенно посторонние люди. Это, по-видимому, и явилось одной из причин устройства здесь конспиративного заседания ЦК, тем более что в это время комендантом Лесного (начальником милиции) был свой человек — Абрамов. Никому, кроме своих, не могло прийти в голову, что в здании происходит не пленум думы, а постороннее

заседание. Сотрудников же благодаря осторожности и умело принятым Калининскими мерам удалось обойти.

Кроме частных заседаний, в думе по вечерам иногда оставались работать заведующий культурно-просветительным сектором и секретарь Калинина. Поэтому в окнах дачи можно было часто до поздней ночи видеть свет, а также входящих и выходящих людей.

Все это облегчало возможность сбора здесь вечером посторонних.

О самом собрании¹ я узнала лишь в тот день, когда оно должно было состояться.

С утра работа происходила обычным порядком. Приходили и уходили посетители, звонил телефон, стучала на своей машинке думская машинистка. Все были на своих местах, кроме Сергиевского, который куда-то уехал.

День был похож на остальные, разве что только ощущалась какая-то напряженность. Политические события нарастали, близился кризис, и большевикам, все время борющимся с Временным правительством и хорошо видевшим рост недовольства рабочих, было ясно, что развязка близка.

Около трех часов дня Калинин вызвал меня к себе в кабинет. Я пришла.

— Вот что,— сказал он.— Если будет меня спрашивать делегат из Кронштадта, проведи его ко мне. Он придет в три часа. Ты его подожди.

Думая, что это все, я повернулась уходить.

— Подожди,— остановил меня Михаил Иванович.— Ты не знаешь, Сергиевский здесь?

— Нет.

— А когда он придет?

— Не знаю.

— Ладно. А этот, его секретарь?

— Здесь. И Добрасов здесь.

— Да? Ну, ладно. Потом зайдешь.

Рабочий день шел к концу, посетителей стало меньше. Только я вышла из кабинета Калинина, зазвонил телефон внизу, я взяла трубку. Оказалось, звонил сам Сергиевский о том, что он сегодня не будет и чтобы посетителей приняли другие. Встретив Добрасова, я сказала ему об этом, но он ответил, что сам скоро уходит и принимать никого не будет.

Зайдя немного спустя к Калинин, я передала ему обо всем.

— Вот и отлично,— сказал он.— Ты теперь сама не уходи. Входные двери не закрывай, а только притвори. Сделай так, чтобы народу у меня было поменьше. Будут приходиться ко мне

---

¹ Речь идет о расширенном заседании ЦК РСДРП(б) 16 октября 1917 года, подтвердившем резолюцию о вооруженном восстании, принятую на заседании ЦК 10 октября 1917 г. *Ред.*

посетители, не останавливай их, а покажи, куда пройти. Увидишь сама, какая придет публика. Если придут обыкновенные посетители — не пускай. Мы здесь будем долго. У тебя никого не будет?

— Нет, не беспокойся,— ответила я, уходя.

К Михаилу Ивановичу обычно пропускал посетителей секретарь, иногда это приходилось делать мне, и я знала, что часто у него бывала своя партийная публика, проходившая вне очереди.

Выйдя из кабинета, я спустилась вниз в свой финансовый отдел, находившийся у самых входных дверей. Отсюда хорошо был виден всякий входящий в думу.

Поняв из осторожных указаний Калинина, что предполагается какое-то важное партийное совещание и что требуется проявить максимум внимательности и бдительности, я невольно стала сама обдумывать, как бы все обставить получше.

Вскоре пришел посетитель, обративший на себя мое внимание, хотя внешне он мало чем отличался от сотен других, приходивших ежедневно в думу.

Войдя со двора, он снял сейчас же шапку или шляпу, не помню, сильно отряхнулся, сбрасывая на пол крупные капли дождя, и, увидев меня у дверей первой комнаты, спросил:

— Михаил Иванович здесь?

— Здесь,— ответила я.— А вы кто?

— Я делегат из Кронштадта.

Пригласив его следовать за мной, я поднялась наверх. Идя впереди, молча показала в коридоре на дверь кабинета Калинина и вошла в комнату напротив. Услыхав, как он, не постучавшись, открыл дверь и, войдя, плотно притворил ее, я сказала несколько ничего не значащих слов Миле Солен и снова спустилась вниз.

Немного погодя Михаил Иванович и делегат ушли и через некоторое время вернулись. Вероятно, они ходили обедать.

В четыре часа присутствие заканчивалось, перестали приходиться посетители, понемногу разошлись сотрудники думы. Первоначально я держала входную дверь закрытой на французский замок, потом решила оставить открытой, помня наказ Калинина...

Дверь еще потому нельзя было запирать, что всякий стук, в особенности звонок (а у нас был очень громкий электрический звонок), мог привлечь внимание жильцов соседнего дома и старика дворника. Последнее было особенно нежелательно, так как это был человек, оставшийся еще от прежнего хозяина, который мог по простоте разболтать то, чего не нужно.

У дверей я не стояла, а наблюдала за проходящими издали, стараясь особенно не попадаться им на глаза, чтобы они почувствовали, что с конспирацией дело обстоит благополучно.

Сквозь окна доносился шум ветра в саду, в шестом часу опять начал барабанить в стекла дождь.

Они начали приходиться около семи часов, когда сильно стемнело, но все же из окна была еще видна прямая аллея от калитки в воротах к главному подъезду дачи. Уже издали можно было

безошибочно определить, что идет свой, по уверенности, с какой каждый входил во двор и шел по аллее, быстро и спокойно входя в дом. О том, что кто-то входит во двор, я узнавала по стуку щеколды и калитки, разбухшей от дождя и с трудом открывавшейся.

Я не помню, кто пришел первым. Особенно внимательно разглядывать их я не могла, да и в помещении было почти темно. Из конспиративных соображений я погасила лампочку над входом и не зажигала в прихожей, оставив лишь лампочку во дворе, помещавшуюся на обвитой диким виноградом боковой стене дома у окна и горевшую постоянно по ночам. Ее свет не только освещал часть двора недалеко от входа, но и проникал через окно на внутреннюю лестницу и на часть коридора первого этажа, так что входящие сразу видели, как пройти наверх. Мы иногда оставляли гореть до поздней ночи лампочку в коридоре второго этажа, когда убирали помещения думы, и поэтому она не могла вызвать подозрений ни у жильцов, ни у дворника. Ее и на этот раз зажгли во время большого перерыва заседания ЦК РСДРП(б).

Посетители приходили по одному, немногие — по два. Я заметила только, что некоторые были в штатских пальто, часть — в солдатских шинелях. Все они поднимались не раздеваясь и оставляли пальто в кабинете Калинина. У многих была плохая обувь, набухшая и хлюпающая от грязи на улице. Некоторые из них, заметив меня, спрашивали, как пройти. Я молча показывала, и они поднимались по лестнице. Большинство шло совершенно уверенно, как будто хорошо знали помещение. Вероятно, они приходили с разных сторон: часть от Лесной, часть — прямо от Муринского.

Нужно сказать, что я не могла все время быть у дверей. Как назло, на кухню пришел дворник, а Михаил Иванович дал мне специальную инструкцию убрать этого дурашливого старика, отвлечь его внимание, чтобы как-нибудь не провалить дело. Дворник часто по вечерам приходил к матери покалякать о том о сем. И сегодня, придя на кухню, он плотно уселся, видимо, с намерением просидеть весь вечер. Мать моя была занята, — я попросила ее постирать, а с ним пришлось возиться, поить чаем, разговаривать, в то же время прислушиваясь к тому, что делается в передней части дома. Видимо, и он слышал, что кто-то приходил, так как спросил, что сегодня в думе. Я отделалась указанием на какое-то совещание. Уходя, он заявил, что идет спать, так как погода плохая. Я посмотрела ему вслед и, убедившись, что он действительно ушел к себе, снова пошла к входным дверям. Настроение было тревожное, всякие страхи лезли в голову. Надо было постоянно быть начеку, следить и снаружи и внутри, быть готовой ко всяким неожиданностям. На такой случай я приоткрыла запоры на одном из кухонных окон в первом этаже, из которого можно было выскочить на заднюю часть дачного участка и через забор скрыться в соседних дворах.

Было еще одно осложняющее обстоятельство. Между служебной постройкой, где жил дворник, и главным домом стоял

птичник, в котором в это время помещалась собака. Это был громадный сенбернар, великолепный сторож, чутко отзывавшийся на каждый стук. Таким образом, мне пришлось возиться еще и с ним. Я его хорошо накормила и несколько раз выходила, стараясь успокоить, когда он громко тявкал. Дворника я предупредила, чтобы он не выпускал его, так как мне придется ходить за водой для стирки. Мать закончила стирать лишь около 12 часов ночи.

В память врезалась одна деталь. Однажды, вернувшись из кухни на свое место, я довольно долго сидела, но никто не приходил. Решила посмотреть — что же дверь, а она оказалась захлопнутой на французский замок. Из этого я поняла, что все собрались.

Над головой действительно раздалось движение стульев, как будто там усаживались.

В комнате культмассового сектора, где устраивалось заседание, были сдвоенные, итальянского типа, окна. Через них хорошо был виден с улицы свет в комнате. Еще днем в кабинете Калинина я заметила в углу на стуле какую-то синюю ткань. Ее раньше здесь не было. Я спросила — зачем она здесь.

— Нужно будет завесить окна, — ответил Михаил Иванович. — А у тебя ничего нет?

— Есть желтая.

— Нет, это не годится, — заключил он наш разговор.

По-видимому, перед началом заседания сам Калинин с помощью кого-либо из пришедших раньше затянул этой тканью окна.

Я пошла в кухню, стала готовить чай, о чем раньше просил Калинин. Меня очень беспокоило, что в кухне нет занавесок на окнах. Пока мать стирала, в кухне горел свет. Я поставила на плиту чайник и еще раз обошла дом в ожидании, пока закипит вода. Когда мать ушла к себе в комнату, свет пришлось выключить и двигаться в темноте, ощупью: только наливая стаканы, я зажгла маленькую свечечку.

Подготовила посуду, поднос, достала чай. В те дни настоящий чай был редкостью. Я получила пакетик из продовольственной управы специально для пленумов думы, когда Калинин, бывало, просил:

— Катя, завари чайку.

На этот раз я решила заварить думский чай, сделала очень крепкий, хороший настой.

Настроение было беспокойное. Все время тревожно прислушиваясь к шуму непогоды на дворе, стараясь различить посторонние звуки, доносившиеся сквозь закрытые окна, я с нетерпением дожидалась, пока закипит вода. Осторожно налив чай в стаканы, я подумала, что своего сахара у меня мало, на всех не хватит, а думского нет. В те времена уже начали пользоваться сахарином, но и его у меня также не было. Решила подсахарить часть стаканов. Взяла поднос и пошла вверх. Лестница у нас немного скрипела, я боялась привлечь чье-либо внимание и старалась ступать возможно легче. Пройдя по темному коридору, на секунду приоста-

новившись перед закрытой дверью и еще раз прислушавшись к внешним шумам, вошла в комнату.

Это был момент перерыва, затишья. Видимо, кто-то только что закончил доклад и прения еще не начались. Входя, я услышала чью-то фразу:

— Владимир Ильич, если бы вы знали, как сейчас трудно работать на местах.

И тут я увидела Ленина. Я как-то не удивилась, что он здесь, и в то же время заволновалась, увидев его так близко. Он сидел в дальнем углу комнаты за печью у маленького столика.

Единственная в комнате висячая лампа очень слабо освещала комнату, оставляя в полумраке углы.

Это была моя вторая встреча с Лениным. Первый раз я увидела его 17 мая в Политехническом институте.

Поэтому теперь, неожиданно увидев его на конспиративном партийном собрании, я его сразу узнала и не особенно удивилась, как будто так оно и должно было быть. Чувствовалось, что собрание было очень важное и не могло решаться без Ленина. Правда, я не знала, что он скрывается здесь, в Петрограде, но понимала, что вся работа партии ведется при его участии и под его руководством.

Моя тревога за судьбу собравшихся от этого открытия еще усилилась. Невольно навертывалась мысль: «А вдруг?..»

Когда я входила в комнату, Ленин отвечал на только что слышанную мной фразу. Протянув вперед к спрашивавшему опертую локтем о стол левую руку, он сказал примерно так:

— Вы говорите, что очень трудно работать на местах. А что же, по-вашему, дело само может сделаться? Без трудностей ничего не бывает.

Я поставила поднос на стол у окна и хотела разнести стаканы. Часть присутствующих встали, сами подошли к столу и быстро разобрали стаканы. Видно, горячий крепкий чай был очень вовремя в эту непогодливую осеннюю ночь.

Стакан с сахаром я, кажется, все же успела поставить Ленину. Остальных я предупредила, что чай несладкий, но они мне отвечали:

— Ничего, ничего. У нас свой сахар есть. Хорошо, что горячий...

Конечно, никакого сахара у них не было и говорилось это просто для моего успокоения. Особенно выражал удовольствие, получив стакан, Володарский.

Мне казалось внизу, что собралось человек десять. Войдя же в комнату, я увидела более двадцати. Все они сгруппировались в глубине, подальше от окон, около двери на балкончик над крыльцом. Центром являлся Ленин, сидевший в дальнем углу за столом, стоявшим наискось между печью и уступом стены; справа от него была только печь. Часть присутствующих сидела на стульях, принесенных ими из кабинета Калинина и из других комнат, часть стояла у стен. Воздух был сильно нагрет, но не закурен.

У меня на подносе помещалось всего семь стаканов. Раздав их, я спустилась за следующей партией. В кухне я зажгла свою свечечку, примостила ее так, чтобы снаружи свет был меньше заметен, налила стаканы и снова потушила ее. Двигаться по темной лестнице и коридору нужно было очень осторожно и хорошо знать дорогу, чтобы пронести, не разлив, стаканы.

Таким образом, за несколько приемов я принесла чай для всех собравшихся. В это время уже развернулись дальнейшие горячие прения. Как я могла уловить из обрывков фраз, речь шла о том, у кого что болит; одним словом, говорили на текущие темы.

Подав чай — я готовила его лишь один раз, а посуду собрала на другой день во время уборки комнаты,— я спустилась вниз и решила обследовать снаружи, нет ли какой опасности. Кроме того, меня очень беспокоило, что они громко разговаривали.

Накинув пальто и платок, я вышла, осмотрела двор. Собака спала, окна комнаты дворника были темны — видно, старик тоже спал. Также темно было в соседнем небольшом домике. Там жила учительница Максимова, симпатичный, но чужой нам человек, а над нею латыши-беженцы. Их я совсем не знала.

Остановившись под окнами комнаты, я прислушалась. Слышно было, как внутри говорили, но о чем — разобрать было нельзя. В одном из окон я заметила щель в занавеске, откуда проникал слабый свет.

Погода была жуткая. Шумел порывами ветер в лиственницах сада, шел мокрый снег, превращавшийся на земле в липкую грязь. Темнота была такая, что на расстоянии десяти — пятнадцати шагов нельзя было увидеть человека. Я прошла к калитке, вышла на Болотную, огляделась. Как будто никого. Поздний час, непогода, отсутствие у населения керосина, почему света в домах не было видно, — от этого улица казалась вымершей. Изредка по Муринскому проносился с грохотом почти пустой трамвай. Пошла в сторону Лесной, завернула и вдоль забора нашего участка дошла до поворота улицы. Меня особенно беспокоило то обстоятельство, что напротив, во втором этаже деревянного дома, жил секретарь Сергиевского — эсер. Из его окон хорошо было видно здание думы, и я боялась, как бы он чего-нибудь не заметил. Об этом я даже вечером говорила Калинину. Но окна его были темны, видимо, все спали, да отсюда и нельзя было разглядеть окна комнаты, где происходило заседание, обращенные в противоположную сторону. На улице — ни души. Стало страшно. Я повернула обратно. На углу, напротив дачи Васильева, шумел, как большой лес, березняк, тянувшийся по Лесной до Институтского проспекта. Войдя в калитку и плотно приперев ее, чтобы было слышно, если кто откроет, я снова прислушалась под окнами. Внезапно резко и отчетливо прозвучал голос горластого Володарского. Я быстро вошла в дом, поднялась наверх и открыла дверь в комнату. Сейчас же кто-то,

стоявший около, обернулся и спросил, в чем дело. У двери всегда кто-нибудь стоял и сразу подходил, когда она открывалась. Настороженность была у всех. Я сказала. По комнате раздалось:

— Тише, товарищи, тише.

И стали говорить вполголоса.

Вообще Володарский так громко говорил, что я еще не раз подходила и говорила, что шуму много, нельзя ли его унять. Это, по-видимому, трудно было сделать. Он имел очень резкий голос, и хотя не очень уж громко, но говорил с расстановкой, с ударением, горячо.

Ленин и остальные говорили негромко, вполголоса.

В течение ночи я выходила наружу несколько раз. Было ужасно беспокойно на душе. Всюду мерещилась опасность. Особенно страшно было, когда обходила сад, где за каждым кустом могли прятаться не замеченные в темноте ночи люди. После 12 часов перестали ходить на Муринском трамваи. Стало еще более жутко и беспокойно. Со стороны Политехнического института изредка раздавались выстрелы. Я еще раз посмотрела из сада на окна секретаря Сергиевского, но там было тихо и спокойно. Часов я не имела. У меня в комнате стоял будильник, но туда я не заходила. В зале висели часы, но там было очень холодно, они показывали неверное время, и туда я тоже не ходила. Я была вне времени и пространства, напряженно прислушиваясь к окружающим звукам, и все ходила и ходила как маятник. Мертвая тишина, царившая в здании, прерывалась лишь стуком шагов и голосами, глухо доносившимися сверху.

Народу собралось много. Я догадывалась, что сюда пришли наиболее ответственные работники партии, и правительство Керенского дорого бы дало за то, чтобы их захватить. Положение создавалось очень серьезное, я сознавала тяжелую ответственность, и единственным успокоением было то, что в Лесном комендант свой и ему об этом собрании, вероятно, известно.

Во второй половине ночи, примерно часа в три, наверху раздались шаги, задвигались стулья. Я подумала, что собрание окончилось, но оказалось не так. Пришли за мной. Я поднялась. Часть собравшихся вышла из комнаты и группами разговаривала в коридоре у дверей. Ленина я встретила в коридоре у лестницы. Он ходил с кем-то. Кажется, к нему подошел Зиновьев, но разговор у них не ладился. Освещен был только коридор, идущий вдоль наружной стены у лестницы. На ногах у Ленина блеснули новые хорошие галоши с тупыми носками, и я невольно подумала: «Вот хорошо. А я-то боялась, что и у него плохая обувь и промокли ноги от сегодняшней непогоды».

В комнате, где заседали, было душно. Свет погасили и снимали материю с окон. Калинин попросил меня помочь ему повесить ее в комнате, где занимался Добрасов, и прибрать там лишнее, чтобы не мешало. Окна этой комнаты выходили на Лесную улицу. Когда мы кончили завешивать, заседание продолжалось уже в ней.

Все ли в нем участвовали, я не знаю, так как опять спустилась вниз и больше не поднималась.

Эта часть заседания продолжалась сравнительно недолго, и затем все начали расходиться. Было, вероятно, часа четыре-пять. Уходили, как и пришли, по одному, по два. Может быть, часть задерживалась, ожидая, пока пойдут трамваи. Идти в глухие часы ночи значило напороться на милиционера или на обыск. В это время партия была полулегальной, за нами следили. Когда и с кем ушел Ленин, я не заметила. Последним ушел Калинин и захлопнул за собой дверь. Услышав это, я поднялась наверх, увидела, что больше никого нет, и пошла к себе. Чувствовалась большая усталость, наступала реакция после бессонной, полной тревожных и напряжения ночи. В то же время сознание, что это важное заседание прошло благополучно, придавало бодрость и чувство глубокого удовлетворения.

Вероятно, я все-таки немного спала. Утром, выйдя из комнаты, я увидела мать, убиравшую помещение, где было заседание, и ворчавшую на грязь, что оставили посетители. Я помогла ей докончить уборку. Никого из служащих не было, и мы без помехи привели все в порядок.

Днем дворник выговаривал мне, что нельзя по ночам устраивать собрания, но я шутливо ответила, что это справлялся день моего рождения.

Так прошло это историческое заседание. Никто в думе о нем так и не узнал. События катились быстрой чередой, и через несколько дней произошло вооруженное восстание, судьба которого окончательно была решена в стенах Лесновской районной думы в ту памятную ночь.

*Петроград в дни Великого Октября.
Воспоминания участников революцион-
ных событий в Петрограде в 1917 г
Л., 1967, с. 270—282*